

Экономическая безопасность в теоретической системе экономической науки в Эпоху Великого Эволюционного Перелома

Субетто Александр Иванович

доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук,
Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: subal1937@yandex.ru

Введение

Костромской ученый-экономист Владимир Васильевич Чекмарев издал в 2018-ом году антологию своих научных работ – статей, глав из научных монографий и учебных пособий – в виде 2-х-томника под общим названием «Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов: теория и практика» [1, 2].

Эта антология, несмотря на разнообразие поставленных проблем, обсуждаемых тем, есть своеобразное концептуальное единство, объединяющим фокусом которого служит категория экономической безопасности, содержание которой раскрывается системой понятий, таких как «экономическая безопасность России», «экономическая безопасность образовательной системы» (как в целом на уровне страны, так и на уровне отдельных вузов, школ и т.д.), «экономическая безопасность регионов», «экономическая безопасность человека» и др.

1. Десять вопросов в теоретико-концептуальном осмыслении феномена экономической безопасности

В. В. Чекмарев рассматривает такие вопросы в теоретико-концептуальном осмыслении феномена экономической безопасности, как:

1) связь теории экономической безопасности с учением о длинных экономических циклах Н.Д. Кондратьева и в целом с теорией циклического развития, как важным компонентом теоретической экономики [1, с. 13 – 22; 2, с. 123 – 131];

2) роль системы образования в структуре экономической безопасности регионов и страны [1, с. 84 – 93; 2, с. 9 – 13, 112 – 113];

3) экономическая безопасность как фактор становления новой парадигмы управления социально-экономическим развитием (в рамках понятийной системы экономического институционализма [2, с. 17 – 19]) [1, с. 205 – 241; 2, с. 141 – 153];

4) экономическая безопасность в контексте взаимодействия формальной (находящейся в правовом поле государства) экономики с «теневой» (находящейся за границами правовых и экономических регуляторов экономического развития со стороны государства) и «неформальной» экономиками [1, с. 40 – 93, 184 – 190, 424 – 440; 2, с. 16 – 17];

5) экономическая безопасность в контексте инновационного развития российской экономики [1, с. 103 – 126, 221 – 230, 404 – 411];

6) связь становления личности, перспектив её социализации и экономической безопасности российского общества и государства [1, с. 158 – 168, 200 – 205, 241 – 248, 300 – 320; 2, с. 44 – 61];

7) мера экономической безопасности на основе её представления как системы экономических рисков [2, с. 265 – 267, 293 – 297, 315 – 320];

8) место и роль экономической безопасности в структуре обеспечения и реализации стратегии

развития экономических систем разного ранга – экономики Рос-сии, региональной экономики, экономики хозяйствующих субъектов [1, с. 101 – 103, 205 – 240; 2, с. 17 – 19, 123 – 140, 159 – 167, 183 – 211];

9) концепция экономической безопасности образовательных систем разного ранга [1, с. 126 – 146, 172 – 176, 384 – 410, 453 – 471; 2, с. 9 – 15];

10) социокультурные и ценностные основания обеспечения экономической безопасности [1, с. 38 – 100, 158 – 167, 200 – 204, 256 – 275, 424 – 439; 2, с. 91 – 97, 175 – 198, 349 – 353];

и другие.

Проблему цикличности в контексте длинных волн Кондратьева он определяет, опираясь на уже выполненные теоретические обобщения в этой области, как «проблему объективности возникновения кризисов», и я добавлю к этому – и как соответственно проблему длинных волн в циклической динамике экономической безопасности, как меры качества страновых экономических систем, и одновременно как проблему волновой динамики социальности человека, как «биосоциального существа» [1, с. 19]. Он обращает внимание на резонансную связь кризисов в разных сферах жизнеобеспечения общества – экономической, политической, культурной, продовольственной. Он пишет «сегодняшние финансовые потрясения завтра могут обернуться политическими кризисами, а текущий кризис выступить в качестве детонаторов будущих кризисов» [1, с. 19], – и поэтому теория циклов Н.Д. Кондратьева становится методологической основой предсказания кризисов в системе обеспечения экономической безопасности, «особенно в части среднесрочных кризисов» [1, с. 19].

В.В. Чекмарев ставит проблему управляемости социально-экономическим развитием России на научной основе, в том числе на основе новой политической экономики, которая позволила бы преодолеть доминирующий метод проб и ошибок в политике экономических реформ и в управлении развитием российского общества [1, с. 22 – 35].

2. Проблема становления системологии и системогенетики экономической безопасности

При рассмотрении проблемы экономической безопасности образования, опираясь на мои работы по системологии образования, в том числе по системогенетике, социогенетике и теории циклов, используя методологию и структурный подход, представленный в этих работах, он ставит проблему о системологии экономической безопасности вузов (ЭБВ), раскрывая её структуру, с выделением таких теоретических подразделений, как [1, с. 128, 129]:

- системная эпистемология ЭБВ;
- системогенетика ЭБВ;
- типология ЭБВ;
- законы и принципы обеспечения ЭБВ;
- теория проектирования систем управления, обеспечивающих ЭБВ.

В структуре системной эпистемологии ЭБВ он выделил, по аналогии с тем, что было представлено мною в системологии образования:

- теорию эксперимента в области управления развитием образовательных систем – вузов;
- управленческую инноватику;
- фактор цикличности в «логике» возникновения угроз;
- классификационные методы исследования системы управления вузом;
- теорию общественного интеллекта и теорию фундаментальных противоречий человека.

В.В.Чекмарев замечает:

«С позиции системогенетики системология экономической безопасности вуза в ряде работ рассматривается как составная часть системологии системы образования. На основе методологических подходов, предложенных в работах А.И. Субетто, структура системологии экономической безопасности вуза позволяет увязать состояние экономической безопасности и системогенетические особенности системы образования в целом и вуза в частности» (выдел. мною, С.А.) [1, с. 129].

К сожалению, эта линия в исследованиях В.В. Чекмарева, направленная на раскрытие системологии и системогенетики экономической безопасности, намеченная в статье «Экономическая безопасность образования: опыт обобщения постановки проблем в работах российских ученых», опубликованной в 2012 году в журнале «Экономика образования» (№4, с. 104 – 111), не получила дальнейшего развития.

В то же время именно системная экспликация экономической безопасности и разработка системологии (системной теории) экономической безопасности хозяйственных систем вообще, может стать тем общим системно-методологическим основанием, на котором только и можно раскрыть единство подходов (с одновременным раскрытием различий, диктуемых «природой» систем) к разработке теорий экономической безопасности на уровне разных хозяйствующих субъектов (вуз, школа, региональная образовательная система, экономика регионов, городов, поселений, экономическая система России, глобальная экономическая система и т.д.).

Интересными являются выполненные В.В. Чекмарев замечательные обобщения и классификация разных подходов к экспликации экономической безопасности и разработке концепций её обеспечения для разных хозяйствующих субъектов в условиях рыночной конкуренции и рыночной нестабильности, авторами которых являются такие видные ученые-экономисты, исследователи, как Л.И. Абалкин, Е. Олейников, В. Сенчагов, С.Ю. Глазьев, А. Илларионов, А. Орлов, А. Скопин, И.Я. Богданов, В.В. Зыков и О.С. Ефимова, С.В. Степашин, представители Уральской школы по диагностике экономической безопасности регионов России [1, с. 435 - 438].

Например, Л.И. Абалкин выделяет 3-и основных базовых компонента в системе экономической безопасности:

- 1) независимость экономики;
- 2) стабильность и устойчивость экономики;
- 3) способность к саморазвитию.

Им выделены 2-е группы нарастающей кризисности:

- первая группа – это экономические системы, не достигшие предельного уровня угроз (нарастание угроз);
- вторая группа – это экономические системы, превысившие пределы зоны стабильности и вошедшие в зону нестабильности.

А. Скопин составил классификатор, состоящий из 6 типов депрессивных регионов, с попыткой создать (уже в моём определении) квалиметрию экономической безопасности этих регионов на основе балльных шкал.

С.Ю. Глазьев разработал систему показателей экономической безопасности хозяйственного комплекса России на основе 22-х модулей и провёл сравнение по этим модулям с ведущими странами мира.

Аппарат диагностики экономической безопасности страны по С.В. Степашину включает 23 модуля внутренних и 14 модулей внешних угроз. Им же были предложены алгоритмы расследования преступлений, увеличивающих уровень экономической безопасности.

К сожалению, само понятие экономической безопасности, как следует из того, что представлено в книге, остаётся, по моей оценке, размытым.

Во-первых, не определено, чем же, всё-таки, является экономическая безопасность – мерой качества (интегральным показателем качества) экономической системы или же свойством, состоянием?

Например, в разделе «Коррупционность, коррупциогенность, административные барьеры, экономическая безопасность: институциональный подход» экономическая безопасность определена так [1, с. 438, 439]:

«Под экономической безопасностью территориального образования (области, республики, федерального округа) понимается совокупность условий и факторов, характеризующих текущее

состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность в процессах интеграции с экономикой Федерации:

- возможность проводить собственную экономическую политику в рамках Федерации;
- способность безобвално реагировать на резкие геополитические изменения;
- способность осуществлять... крупные экономические мероприятия... по неотложным ситуациям на территории...;
- возможность на договорной основе оказывать помощь сопредельным областям, республикам и регионам, существующая несбалансированная экономическая ситуация в которых может негативно отразиться на экономических интересах территории...».

Как видно из определения, родовым понятием по отношению к понятию «экономическая безопасность» выступает «совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние». Скорее всего, это родовое понятие лучше подходит к понятию «система экономической безопасности».

Во-вторых, все-таки не раскрыты те изменения в понятийном аппарате экономической науки вообще, и в понятийном аппарате политэкономии (социальной экономики по Н.Д. Кондратьеву), или теоретической экономики, в частности, которые вызваны самим фактом появления категории «экономическая безопасность». Не раскрыты с нужной теоретической полнотой соотношения категорий «экономическая безопасность» и «устойчивое экономическое развитие», «экономическая безопасность» и «жизнеспособность экономической системы», «экономическая безопасность» и «способ общественного производства», «экономическая безопасность» и «общественно-экономическая формация» и др.

В целом считаю, что представленная 2-х-томником антология работ В.В. Чекмарев замечает: а по проблеме обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях рыночной конкуренции и гиперконкуренции на «геополитическом поле» является хорошей «заявкой» на создание достаточно полной теоретико-концептуальной системы по решению заявленной проблемы. Созданы «основания» в виде теоретико-эмпирических обобщений по разным аспектам этой проблемы для следующего шага в исследованиях и теоретическом обобщении – шага по созданию достаточно полной и замкнутой теории экономической безопасности.

3. Экономическая безопасность в Эпоху Великого Эволюционного Перелома требует «расставания» с рыночно-капиталистической системой

Ниже я решил несколько расширить пространство теоретической рефлексии над понятием экономической безопасности в переживаемую, по моей оценке, человечеством Эпоху Великого Эволюционного Перелома, отвечая на заявленную заглавием статьи тему и опираясь на выполненные мною разработки по ноосферизму, ноосферной парадигме экономической науки в XXI веке, а также по уже начавшейся ноосферно-парадигмальной революции в науке и культуре XXI века.

Почему именно на рубеже XX и XXI веков экономическая теоретическая мысль в России и в мире обратилась к проблеме экономической безопасности (в библиографии, приведенной 2-х-томнике, В.В. Чекмарев замечает: «им это достаточно хорошо проявлено»)?

Мой ответ следующий: потому что человечество после того, как глобальный экологический кризис на рубеже 80-х-90-х годов XX века перешел в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, вошло в Эпоху Великого Эволюционного Перелома.

Рыночно-капиталистической системе хозяйственного природопотребления Природа как Единое Целое (планета Земля и её Биосфера как суперорганизмы, имеющие собственные гомеостатические механизмы, или механизмы устойчивости, поддерживающие параметры внутренней среды в заданных пределах; на сложную организацию планеты Земля, как на живую мегасистему, указывает Дж.Лавлок [4]) подписала экологический приговор в форме разворачивающихся процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы в моей оценке. В Докладе Мировому Банку, написанном группой ученых под руководством Р. Гудленда, Г. Дейли и С. Эль-Серафи в 1991 году [3], был вынесен рыноку своеобразный вердикт: «в условиях уже заполненной земной экологической ниши, рыночный

меха-низм развития экономики исчерпал себя» [3; 5, с. 9].

По оценке А.А. Зиновьева [6, 7] в мире в класс рыночной элиты входит не более 50 – 80 млн. человек, т.е. всего 1% населения мира. При этом в руках 385 миллиардеров сосредоточились триллионы долларов, в то время как два миллиарда людей живут на 2 доллара в день (на душу населения). Таким образом, «мировой капитализм» (в понятийной системе Дж. Сороса [8]) или строй мировой финансовой капиталократии (в системе понятий разработанной мною теории капиталократии и глобального империализма) превратился в «экологического могильщика» человечества.

В «Манифесте ноосферного социализма» (2011) я сформировал положение-предупреждение человечеству:

«Капитализм – могильщик человечества в XXI веке в том смысле, что если он, ведя борьбу за самосохранение, одержит победу и у человечества не хватит разума и воли сбросить объятия этого исторического трупа, то он, порождая свою экологическую гибель, уведёт с собой в небытие и человечество».

В работе «Капиталократическая эсхатология» (2014) я развил это положение в форме анализа причин экологического самоуничтожения строя капиталократии. В книге «Западня глобализации» (2001) немецкие эксперты-аналитики Г.-П. Мартин и Х. Шу-манн рассказали о совещании в отеле «Фермонт» в Сан-Франциско (Калифорния – США, сентябрь 1995 года) ведущих олигархов мира, на котором была сформулирована канни-балистская модель «20%:80%», по которой 80% населения Земли объявились «лишними» с позиции воспроизводства мирового капитала – и соответственно должны быть «убраны» с лица Земли теми или иными средствами. Обсуждение этой модели сопровождалось словами под смех участников этой беседы, которые произнёс главный управляющий Sun Гейдж, со ссылкой, что авторство этой «формулы» принадлежит его коммерческому директору Скоту Макнили: дилемма будущего состоит в том, что «либо ты ешь на ленч, либо на ленч едят тебя» [9, с. 20, 21].

Сформулированная «формула» не только лишает экономической безопасности 80% населения земного шара, более того, обрекает их на «заклание», ради тех представителей пирамиды мировой финансовой капиталократии, которые «едят на ленч» этих «лишних людей», превращая их в «мертвые души».

Поистине слова из арии Мефистофеля «Сатана там правит бал, люди гибнут за металл» обретает в современной системе мировой капиталократии зловещую материализацию. При этом, на экономическую смерть обречена на этом «пиру» по формуле «либо ты ешь на ленч, либо на ленч едят тебя» и сама капиталократия, что я и показал в «Капиталократической эсхатологии».

Из изложенного вытекает императив экономической безопасности населения планеты Земля как императив «расставания» с рыночно-капиталистической системой в XXI веке.

4. Решение проблемы экономической безопасности России – отказ от рыночно-капиталистической парадигмы развития

Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть выражение действия императива выживаемости человечества и России, который есть императив перехода всей системы <Биосфера – Человечество> в Ноосферу, в новый качественный тип целостности Биосферы, в котором коллективный разум человечества (пройдя свои «роды», т.е. пройдя преобразование себя из качества «Разума-для-Себя» – в качество «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса», т.е. в Ноосферный разум) «встраивается» в гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля и начинает управлять социо-природной эволюцией, соблюдая требования законов-ограничений, отражающих действие этих гомеостатических механизмов.

Речь идет о новом качестве человеческого разума как о «разуме управляющим».

Почему же так остро встал вопрос о ноосферном разуме как управляющем разуме, учение о котором входит в теоретическую систему Ноосферизма и в концепцию ноосферной экономики, именно в конце XX века?

Мой ответ состоит в следующих положениях:

1. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы фактом своего по-явления проманифестировала «выход» на арену всемирной истории новой «логики» с большой буквы (наряду с Внутренней Логикой Социального Развития – ВЛСР) – Боль-шой Логикой Социоприродной Эволюции (БЛСЭ), основанием которой является энерге-тический базис воздействия мирового хозяйства и соответственно глобальной экономики на живое вещество Биосферы (энергетический базис хозяйственного природопотребления). По этому основанию вся социальная история человечества с момента Неолитической ре-волюции предстала в виде двух неравновеликих периодов:

- 1) Малоэнергетической стихийной Истории до начала XX века и
- 2) Высокэнергетической Стихийной Истории XX века, родившей глобальный экологический кризис на рубеже 50-х – 60-х годов, который перешел в первую фазу Гло-бальной Экологической Катастрофы на рубеже 80-х – 90-х годов.

2. В XX веке произошел скачок в энергетике мирового хозяйства в 10 в 7-й степени (в среднем) раз, что мне позволило определить XX-й век и как Энергетическую революцию, и как Большой Энергетический Взрыв в социальной эволюции челове-чества.

Этот энергетический скачок проявил действие открытого мною Закона интел-лектно-информационно-энергетического баланса, который формулируется так (поло-жение-теорема):

• «чем больше со стороны социальной системы воздействие, по своей энерге-тической мощи, на природу, тем больше требуется лаг упреждения в про-гнозировании последствий от этого воздействия, и соответственно – тем более долгосрочным должно быть стратегическое управление будущим со стороны этой социальной системы..., и тем более наукоемкими должны быть такое управление и олицетворяющая его власть».

Реализация этого закона требует социальной организации жизни и соответ-ственно системы хозяйствования на Земле в виде Ноосферного Экологического Ду-ховного Социализма и на его базе – управляемой социоприродной эволюции – един-ственной модели устойчивого развития, которую ищут умы человечества и не могут найти, поскольку находятся в «плелу» апологетики рыночно-капиталистической системы, и соответственно – системы ноосферной безопасности, частью которой выступает и но-осферная экономическая безопасность.

Таким образом, проблема экономической безопасности расширяется. На путях стратегии развития в пространстве рыночно-капиталистической и глобально-империалистической системы экономическая безопасность обретает ложные, иллю-зорные, фетишные «одежды», потому что самому «миру рынка и господства капита-ла» и соответственно всей Стихийной парадигме Истории подписала экологический приговор Природа. Процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы де-факто есть рыночно-генный и капиталогенный экоцид человечества, уже поро-дивший глобальную патологию человечества.

В России рыночные реформы, на фоне отказа от планирования развития, почти то-тальной приватизации, приведшей к потере управляемости социально-экономическим раз-витием, де-факто превратились в её «рыночный геноцид» – в рыночный геноцид систе-мы жизнеобеспечения населения (складывается подозрение, что «фермонтская модель 20%:80%» успешно применена с помощью «рыночных реформ» применительно к России; «пенсионная реформа», закон о которой принят Государственной Думой в сентябре 2018-го года, предстает как форма действия этого рыночного геноцида), рыночный геноцид образо-вания, науки, культуры.

В работе «Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика» (2013) я утверждал:

«...в России сложился рыночный геноцид, т.е. механизм ликвидации у значительной части

общества с помощью рынка прав на жизнь, на продолжение рода, – и этот рыночный механизм ликвидации «лишнего населения» в России неотвратимо действует, и так называемый «русский крест», т.е. превышение уровня смертности населения над уровнем рождаемости уже в течение почти 20 лет в России, – явление не случайное, а закономерное, и оно есть форма проявления рыночного геноцида».

М.Г.Делягин во время выступления на Московском экономическом форуме в марте 2013 года приходит к неутешительному выводу, что рыночная реформа в России породила социально-экономическую систему, перерабатывающую жизни людей, в целом – большинство российского общества «в личные богатства».

Он так жёстко оценил экономическую ситуацию в России [10]:

«Социально-экономическая политика России – это либерализм, то есть фашизм в его современном проявлении. Никто не хочет уничтожить нас сознательно: нас просто перерабатывают в личные богатства. «Ничего личного – только бизнес». Если бы на дверях Бухенвальда вместо «Работа делает свободным» было бы написано это, он работал бы и сейчас, и его акции обращались бы на биржах. Такая система нежизнеспособна, эта система не допускает возможности развития...» (выдел. мною, С.А.).

5. Эпоха Великого Эволюционного Перелома как Роды Действительной – Ноосферной – Экономической Науки и на её основе – Роды Действительных онтологических оснований для создания адекватной теории экономической безопасности

Итак, теоретическая проблема экономической безопасности так же многопланова, как многопланово современное состояние экономической науки, которая переживает кризис, отражающий де-факто фактически экологическую катастрофу всей рыночно-капиталистической системы хозяйственного взаимодействия человечества с Природой.

Роды Действительного Разума, как миссия, которую выполняет Эпоха Великого Эволюционного Перелома, – это одновременно и Роды Действительной – Ноосферно-ориентированной – Науки, а в её составе – Роды Действительной – Ноосферной – Экономической Науки.

В монографии «Русская наука: от прошлого – к ноосферной ответственности за будущее России и человечества в XXI веке» (2018) в главе «Императив становления ноосферной политэкономии» я указывал на то, что «природа» в теоретической системе «управляемой ноосферной экономики» уже предстаёт не только и не столько поставщиком ресурсов, сколько гомеостатической мегасистемой в виде Биосферы, частью которой выступает мировая экономическая система в форме мирового хозяйства».

Открытый мною закон гетерогенности мировой экономики, сопряженный с законом энергетической стоимости, служит основанием для выделения в понятийной системе ноосферной политэкономии законов срединного уровня, отражающих специфику функционирования и развития экономических систем тех или иных локальных цивилизаций.

Для России, как евразийской, общинной, с самой большой энергоёмкостью воспроизводства и с самым большим хронотопом (пространство-временем) бытия, специфическими законами, (без учета которых не может быть теоретически осмыслен механизм обеспечения экономической безопасности в её развитии), являются: инфраструктурный закон, закон централизации управления, закон плановости, закон кооперации, закон достаточного сектора мобильной экономики, закон стратегического резервирования, закон общинно-государственного землепользования, закон идеократии.

Из-за холодного климата в России всегда доминировал закон кооперации над законом конкуренции, причем это проявлялось не только в высокой исторической сохранныости крестьянской общины, и затем в СССР материализовалось в колхозно-совхозной системе организации аграрной экономики, но и в кооперационной функции по отношению к экономике самого российского государства.

В.Т. Рязанов отмечал, что мобилизационность российской экономики предопределяла такую её важную черту, как государственность. Рисково-мобилизационные факторы, обусловленные суровым климатом, протяженностью коммуникаций воспроизводства, определили, по В.Т. Рязанову, «чрезвычайно высокую институциональную роль государства» и способствовали «возникновению государственного (казённого) уклада с тенденцией нарастания его масштабов» [11, с. 349, 350]. За этим следовало постоянное ограничение и торможение развития конкурентно-рыночных отношений, которое было базовым условием и экономической безопасности России, как холодной цивилизации с высокой энергетической стоимостью воспроизводства жизни общества. В примате государственно-кооперативного начала в экономике России, – как показывает В.Т.Рязанов, – проявилась «объективная потребность использовать более высокий уровень концентрации производства в целях реализации экономии затрат от масштаба. С учетом экономического пространства России эффект масштаба в принципе выступил важнейшим фактором укрепления конкурентной позиции отечественного производства в мировой экономике» [11, с. 351].

К доказательству изложенного можно только добавить важный вывод из эмпирического обобщения А.Девятова, представленного в книге «Красный дракон. Китай и Россия в двадцать первом веке» (2002) [12]. Он обнаружил одну закономерность, отражающую собой одну из сторон географического детерминизма, в частности – действия открытого мною закона энергетической стоимости:

- развитый капитализм оказался возможным только в благодатных географических условиях (на средних широтах) в Западной Европе и Северной Америке, которые позволили создать систему, где «идеалом» является «жирное счастье, сон наяву с обеспеченным до предела мыслительным процессом пассивных масс, занятых безмерным производством-потреблением, где убеждение-движитель со-стоит в «личном материальном благополучии, богатстве», где пассивное большинство приняло главную идею – «идею частного капитала как главный критерий богатства и божественного статуса» [12, с. 197, 198].

Изложенное, в рамках ограниченного объема статьи, показывает сложную природу феномена «экономическая безопасность».

6. О системологии экономической безопасности: какие теоретические концепты должны быть разработаны

В системном контексте, если ставить вопрос о системологии экономической безопасности, должны быть раскрыты такие теоретические концепты (конструкты), как:

- системная иерархия («системная вертикаль») экономической «мир-системы» (если воспользоваться этим понятием Э. Валлерстайна) и ей соответствующая иерархическая система экономических безопасностей (как мер качества экономических систем разного уровня системной иерархии);
- теория циклов степеней «открытости-закрытости» экономических систем разного ранга с учетом действия всей системы факторов в логике управления социоприродной эволюцией;
- экономическая безопасность как мера качества управления социально-экономическим развитием и мера его устойчивости;
- квалиметрия системы управления экономической безопасности как управления структурой экономических рисков на основе разного типа байесовских моделей;
- экономическая безопасность в системе обеспечения ноосферной безопасности;
- экономическая безопасность в ноосферной системе обеспечения качества жизни людей, их воспроизводства жизненных сил общества.

7. Теория экономической безопасности в XXI века, в логике действия ноосферного императива, требует ноосферно-ориентированной когнитивной матрицы

Сам системный контекст нейтрален по отношению к когнитивным матрицам исследования

экономических процессов и явлений.

В настоящее время отечественные ученые в основном пытаются решать проблемы экономической безопасности на основе когнитивных матриц экономического либерализма, разных институциональных подходов, избегая исторического противостояния капитализма и социализма.

Если же в проблему экономической безопасности включить это фундаментальное противостояние в современной истории, начиная с 1917 года, с момента свершения Великой Русской (Октябрьской) Социалистической Революции, то вне когнитивной матрицы, определяемой понятийной системой марксизма-ленинизма и её современным развитием на базе Ноосферизма, адекватно построить теорию экономической безопасности невозможно.

Возникает проблема адекватной теории наблюдателя, позволяющая правильно выстроить сам процесс познания экономической безопасности, да ещё в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, когда на «повестку дня» XXI века поставлен Ноосферно-Социалистический Прорыв человечества, который, я уверен, начнётся из России, и который есть базовое условие реализации императива экологического выживания человечества на Земле.

В целом, возвращаясь еще раз, к антологии работ В.В. Чекмарев замечает: а в виде 2-х-томника «Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов: теория и практика» [1, 2], подчеркну ещё раз её теоретическую и практическую ценность.

Я только хотел показать, что рыночная парадигма экономической безопасности, хотя и имеет право на своё развитие в рамках действующих реалий и конкурентной борьбы хозяйствующих субъектов, но она, вместе со стихийной парадигмой истории, оказалась исчерпанной, потому что рынок вместе с системой мирового капитализма и экономического колониализма превратился в механизм экологического самоуничтожения человечества.

Выживание человечества связано с Ноосферизмом, как новым путем развития в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма. И по-этому экономическая безопасность должна быть «встроена» в императив выживаемости человечества, как ноосферный императив, и начать «работать» на ноосферную экономику и ноосферную безопасность.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома, таким образом, меняет природу экономической безопасности, делая её ноосферной так же, как и хозяйство человечества на Земле, и всю глобальную экономику.

С 13 по 20 августа 2018-го года в Китае был проведен XXIV Всемирный философский конгресс под знаковым названием «Учиться быть человеком» [13]. Экс-президент Всемирной федерации философских обществ Вильям Мак-Брайд отметил:

«Маркс – философ нашего времени»; он «обладал сверхъестественными способностями, сочетал в себе блестящий интеллект с проведением блестящих исследований во всех аспектах того, что означает быть человеком. Он раскрыл механизмы жизни людей, называя их «экономическими» в самом широком смысле этого слова, – всё это действует реально, особенно в современном мире» [13].

«Учиться быть человеком» в XXI веке – это означает «учиться быть ноосферным человеком». И в этом состоит ноосферный императив – императив «Родов Действительного Разума».

Вместе с этими «Родами» осуществляется и ноосферная – вернадскианская – революция в науке и культуре, и еще раз повторю, – в том числе в экономической науке, политэкономии и соответственно в системе представлений, отвечающих на вопрос «Что есть экономическая безопасность?».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чекмарев В.В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов: теория и практика. В 2-х томах. Том 1. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – 476с.
2. Чекмарев В.В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов: теория и практика. В 2-х томах. Том 2. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – 380с.
3. Goodland R., Daly H., El Serafy S. (Eds.). Environmental Sustainable Economic De-velopment. Building on Brundtland. Washington DC. World Bank. 1991
4. Lovelock, J.E. Gaia. A new look at Life in Earth. Oxford Univ. Press, 1979. 252 p.
5. Зубаков В.А. Эндоекологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10»). – СПб.: ФГПУ «Щербинская типография», 2002. – 86с.
6. Век XX – анфас и профиль. – М.: Новый век, 2001. – 528с.
7. Закулиса (по материалам интервью с А.А.Зиновьевым)// «Завтра». – 2000. - №18
8. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М.: Инфра-М., 1999. – 262с.
9. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демо-кратию/ Перев. с нем. – М.: Издат. Дом «Альпина», 2001. – 335с.
10. Делягин М. Кризис. Неутешительный прогноз// «Завтра». – 2013. – Апрель. – №15(1012). – с. 3
11. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: XIX – XXвв. – СПб.: «Наука», 1998. – 796с.
12. Девятков А. Красный дракон. Китай и Россия в двадцать первом веке. – М.: Ал-горитм, 2002. – 288с.
13. Маслихин А.В. Учиться быть человеком. Марксистская философия на XXIV Всемирном философском конгрессе// «Советская Россия». – 2018. – 25 сентября. – №185(14637). – с. 3